

Надежда Дурова

Надежда Дурова

ЗАПИСКИ
КАВАЛЕРИСТ-
девицы

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д84

Серия «Изящный век»

Оформление переплета — *Екатерина Фerez*

Дизайн макета — *Ирина Гришина*

Дурова, Надежда.

Д84 Записки кавалерист-девицы / Надежда Андреевна Дурова. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 384 с. — (Изящный век).

ISBN 978-5-17-096770-4

Надежда Андреевна Дурова (1783–1866) – первая в России женщина-офицер, русская амазонка, талантливейшая писательница, загадочная личность, жившая под мужским именем.

Надежда Дурова в чине поручика приняла участие в боевых действиях Отечественной войны, получила в Бородинском сражении контузию. Была адъютантом фельдмаршала М.И. Кутузова, прошла с ним до Тарутина. Участвовала в кампаниях 1813–1814 годов, отличилась при блокаде крепости Модлин, в боях при Гамбурге. За храбрость получила несколько наград, в том числе солдатский Георгиевский крест.

О военных подвигах Надежды Андреевны Дуровой более или менее знают многие наши современники. Но немногим известно, что она совершила еще и героический подвиг на ниве российской литературы — ее литературная деятельность была благословлена А.С. Пушкиным, а произведениями зачитывалась просвещенная Россия тридцатых и сороковых годов XIX века. Реальная биография Надежды Дуровой, пожалуй, гораздо авантюрнее и противоречивее, чем романтическая история, изображенная в столь любимом нами фильме Эльдыра Рязанова «Гусарская баллада».

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096770-4 © ООО «Издательство АСТ», 2016

НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА
ДУРОВА
(1783—1866)

Надежда Андреевна Дурова — первая в России женщина-офицер, русская амазонка, талантливейшая писательница, загадочная личность, живущая под мужским именем.

Она родилась 17 сентября 1783 года в Киеве в семье отставного гусарского ротмистра Андрея Васильевича Дурова и Надежды Ивановны Дуровой, которая, убежав из дома, обвенчалась с женихом тайно от родителей, за что была проклята отцом.

Надежда Ивановна была разочарована рождением дочери вместо сына, сын был единственной надеждой на прощение родителей. Андрей Васильевич командовал эскадроном в гусарском полку. Однажды во время похода, доведенная до крайности плачем дочери, мать вышвырнула бедное дитя из экипажа. Ребенок разбился, но остался жив. Отец принял меры, и с этого дня девочкой занимался фланговый гусар, который носил ее на руках.

А.В. Дуров вышел в отставку и поселился в Сарапуле. Воспитанием дочери стала заниматься мать. Девочка была истинный сорванец, она не желала плести кружева и вышивать, за испорченное рукоделие ей полагалась трепка, зато она как кошка лазала по деревьям, стреляла из лука и пыталась изобрести снаряд. Она мечтала научиться владеть оружием, верховой езде и грезилась о военной службе.

За девочкой стал приглядывать гусар Астахов, который привил ей любовь к военному делу. Надежда Дурова писа-

ла: «Воспитатель мой, Астахов, по целым дням носил меня на руках, ходил со мной в эскадронную конюшню, сажал на лошадей, давал играть пистолетом, махать саблею».

Когда она подросла, отец подарил ей черкесского коня Алкида, езда на котором скоро стала ее любимым занятием.

Выйдя в 18 лет замуж за Василия Чернова, чиновника Сарапульского земского суда, она через год родила сына. Мальчика крестили в Вознесенском соборе и нарекли Иваном. Н. Дурова ушла от мужа и вернулась с ребенком в родительский дом (об этом в «Записках» Дуровой не упоминается). Таким образом, ко времени своей службы в армии она была не «девицей», а женой и матерью. В родительском доме ее мать, Надежда Ивановна, по словам Дуровой, все так же «постоянно жаловалась на судьбу пола, находящегося под проклятием божьим, ужасными красками описывала участь женщин», отчего у Надежды возникло «отвращение к своему полу».

В 1806 году Надежда Дурова в день своих именин пошла купаться, прихватив старую казацкую одежду. В нее она переоделась, а платье оставила на берегу. Родители решили, что дочь утонула, а она в мужском платье присоединилась к донскому казачьему полку, направлявшемуся на войну с французами. Дурова выдала себя за «помещичьего сына Александра Соколова».

Иван, сын Дуровой, остался в семье деда и в дальнейшем был зачислен в Императорский военно-сиротский дом, который существовал на положении кадетского корпуса. Преимущественным правом при зачислении пользовались сыновья офицеров, погибших на войне или находившихся на действительной военной службе. Отец Ивана был не в состоянии предоставить ему это преимущество, а вот мать смогла, сделала для сына невозможное. Дав ему столичное образование, Дурова и впоследствии не оставляла сына без внимания. «Кавалерист-девица», пользуясь старыми связями и знакомст-

вами, обеспечила Ивану Васильевичу Чернову определенную степень независимости и прочное положение в обществе.

Иван Васильевич Чернов женился, предположительно, в 1834 году на Анне Михайловне Бельской, дочери титулярного советника. Она умерла в 1848 году в возрасте 37 лет. В тот год в столице разразилась эпидемия холеры, возможно, она и стала причиной ее смерти. Чернов больше не вступал в брак. Он скончался 13 января 1856 года в возрасте 53 лет в чине коллежского советника, чине, равном армейскому полковнику. Он и его жена покоятся на Митрофановском кладбище Санкт-Петербурга. «Кавалерист-девица» пережила своего сына на 10 лет.

В 1807 году ее приняли «товарищем» (рядовым из дворян) в Коннопольский уланский полк. В конце марта полк был направлен в Пруссию, откуда Дурова написала письмо отцу, прося прощения за свой поступок и требуя «позволить идти путем, необходимым для счастья». Отец Дуровой послал прошение императору Александру I с просьбой разыскать дочь. По величайшему повелению Дурову, не раскрывая ее инкогнито, со специальным курьером отправили в Петербург. Там было принято решение оставить Надежду на службе, присвоить имя Александра Андреевича Александрова (его она и носила до смерти), зачислить корнетом в Мариупольский гусарский полк.

Партизан и поэт Денис Давыдов в письме к А.С. Пушкину вспоминал о своих встречах с Н.А. Дуровой во время войны: «Дурову я знал потому, что я с ней служил в арьергарде, во все время отступления нашего от Немана до Бородина... Я помню, что тогда поговаривали, что Александров — женщина, но так, слегка. Она очень уединена была, избегала общества, столько, сколько можно избегать его на биваках. Мне случилось однажды на привале войти в избу вместе с офицером того полка, в котором служил Александров, именно с Волковым. Нам

хотелось напиться молока в избе... Там нашли мы молодого уланского офицера, который только что меня увидел, встал, поклонился, взял кивер и вышел вон. Волков сказал мне: «Это Александров, который, говорят, — женщина». Я бросился на крыльцо, но он уже скакал далеко. Впоследствии я ее видел на фронте...»

За участие в боях и за спасение жизни офицера в 1807 году Дурова была награждена солдатским Георгиевским крестом. В своих многолетних походах Дурова вела записки, которые позже стали основой для ее литературных произведений. «Священный долг к Отечеству, — говорила она, — заставляет простого солдата бесстрашно встречать смерть, мужественно переносить страдания и покойно расставаться с жизнью».

В 1811 году Дурова перешла в Литовский уланский полк, в составе которого приняла участие в боевых действиях Отечественной войны, получила в Бородинском сражении контузию и была произведена в чин поручика. Была адъютантом фельдмаршала М.И. Кутузова, прошла с ним до Тарутина. Участвовала в кампаниях 1813–1814 годов, отличилась при блокаде крепости Модлине, в боях при Гамбурге. За храбрость получила несколько наград. Прослужив около десяти лет, в 1816 году вышла в отставку в чине штаб-ротмистра. После отставки Дурова жила несколько лет в Петербурге у дяди, а оттуда уехала в Елабугу.

О военных подвигах Надежды Андреевны Дуровой более или менее знают многие наши современники. Но немногим известно, что она совершила еще и героический подвиг на ниве российской литературы — ее литературная деятельность была благословлена А.С. Пушкиным, а произведениями зачитывалась просвещенная Россия тридцатых и сороковых годов XIX века.

В 1835–1836 годах происходит формирование Надежды Дуровой как писательницы. Некоторую роль в этом сыграло ее затруднительное материальное по-

ложение. Она жила на небольшую пенсию военного ведомства — одну тысячу рублей в год. Литературная деятельность ее тем более удивительна, что она никогда нигде не училась. Публикация в журнале «Современник» отрывка из ее воспоминаний, посвященного 1812 году, произвела среди современников настоящий фурор, а Отечественная война приобрела еще одного героя, вернее, героиню.

Пушкин снабдил отрывок следующим предисловием: «С неизъяснимым участием прочли мы признание женщины, столь необыкновенной; с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером быстрым, живописным и пламенным».

В жизни Надежда Дурова была нарушительницей канонов: носила мужской костюм, курила, коротко стригла волосы, при разговоре закидывала ногу на ногу и упиралась рукой в бок, да и именовала себя в мужском роде.

Последние годы Дурова жила в Елабуге, в маленьком домике, совершенно одинокая, в окружении своих многочисленных четвероногих любимцев. Это были кошки и собаки. Любовь к животным всегда была в роду Дуровых. Потомки Дуровой — Владимир, Анатолий и Наталья Дуровы — стали всемирно известной фамилией цирковых дрессировщиков.

Надежда Андреевна Дурова умерла 21 марта 1866 года, на восемьдесят третьем году жизни. Назвавшись в 1806 году мужским именем, она носила его шестьдесят лет, ни разу не сделав попытки вернуться к настоящей фамилии. Даже от собственного сына «кавалерист-девица» требовала обращения к себе как к Александрову.

Похоронили ее на Троицком кладбище Елабуги, с воинскими почестями, в мужском платье.

В 1901 году на могиле Дуровой состоялось торжественное открытие памятника из темно-зеленого гранита,

окруженного железной решеткой. После троекратного ружейного залпа упавшее покрывало открыло медную доску, на которой была выгравирована эмблема полка и эпитафия:

НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА ДУРОВА

*По повелению императора Александра —
корнет Александров.*

Кавалер военного ордена.

*Движимая любовью к Родине, поступила в ряды
Литовского уланского полка.*

*Спасла офицера. Награждена Георгиевским
крестом.*

*Прослужила 10 лет в полку, произведена
в корнеты и удостоена чина штабс-ротмистра.*

Родилась в 1783 г. Скончалась в 1866 г.

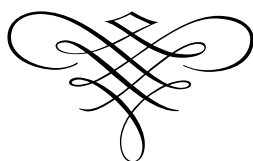
Мир ее праху!

*Вечная память в назидание потомству
ее доблестной душе!*

В конце XIX века Троицкое кладбище имело величественный вид. На его территории было установлено множество саркофагов, обелисков, склепов, часовен из лучших пород мрамора и гранита, исполненных настоящими мастерами камнерезного дела. В начале 30-х годов прошлого столетия елабужский некрополь и кладбищенская церковь были превращены в груды развалин. Та же участь постигла и надгробие Дуровой. Ничто не могло остановить разрушителей: ни ценные памятники, ни мозаики намогильных сооружений, ни священная могила Дуровой. Однако место захоронения героини Бородинского сражения благодарные жители города сохранили в памяти и на фотографиях. Сейчас на могиле Надежды Андреевны Дуровой установлено надгробие из красного гранита, созданное по проекту московского скульптора Ф.Ф. Ляха.

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

ДЕТСКИЕ ЛЕТА МОИ

Мать моя, урожденная Александровичева, была одна из прекраснейших девиц в Малороссии. В конце пятнадцатого года ее от рождения женихи толпою предстали искать руки ее. Из всего их множества сердце матери моей отдавало преимущество гусарскому ротмистру Дурову; но, к несчастью, выбор этот не был выбором отца ее, гордого, властолюбивого пана малороссийского. Он сказал матери моей, чтоб она выбросила из головы химерическую мысль выйти замуж за москаля, а особливо военного.

Дед мой был величайший деспот в своем семействе; если он что приказывал, надобно было слепо повиноваться, и не было никакой возможности ни умиливать его, ни переменить однажды принятого им намерения.

Следствием этой неумеренной строгости было то, что в одну бурную осеннюю ночь мать моя, спавшая в одной горнице с старшею сестрою своею, встала тихонько с постели, оделась и, взяв салоп и капор, в одних чулках, утаивая дыхание, прокралась мимо сестриной кровати, отворила тихо двери в залу, тихо затворила, проворно перебежала ее и, отворя дверь в сад, как стрела полетела по длинной каштановой аллее, оканчивающейся у самой калитки. Мать моя поспешно отпирает эту маленькую дверь и бросается в объятия ротмистра,

ожидавшего ее с коляскою, запряженною четырьмя сильными лошадьми, которые, подобно ветру, тогда бушевавшему, понесли их по киевской дороге.

В первом селе они обвенчались и поехали прямо в Киев, где квартировал полк Дурова. Поступок матери моей хотя и мог быть извиняем молодостию, любовью и достоинствами отца моего, бывшего прекраснейшим мужчиною, имевшего кроткий нрав и пленительное обращение, но он был так противен патриархальным нравам края малороссийского, что дед мой в первом порыве гнева проклял дочь свою.

В продолжение двух лет мать моя не переставала писать к отцу своему и умолять его о прощении; но тщетно: он ничего слышать не хотел, и гнев его возрастал, по мере как старались смягчить его. Родители мои, потерявшие уже надежду умиловить человека, почитавшего упорство характерностью, покорились было своей участи, перестав писать к неумолимому отцу; но беременность матери моей оживила угасшее мужество ее; она стала надеяться, что рождение ребенка возвратит ей милости отцовские.

Мать моя страстно желала иметь сына и во все продолжение беременности своей занималась самыми обольстительными мечтами; она говорила: «У меня родится сын, прекрасный, как амур! Я дам ему имя Модест; сама буду кормить, сама воспитывать, учить, и мой сын, мой милый Модест будет утехой всей жизни моей...» Так мечтала мать моя; но приближалось время, и муки, предшествовавшие моему рождению, удивили матушку самым неприятным образом; они не имели места в мечтах ее и произвели на нее первое невыгодное для меня впечатление. Надобно было позвать акушера, который нашел нужным пустить кровь; мать моя чрезвычайно испугалась этого, но делать нечего, должно было покориться необходимости. Кровь пустили, и

вскоре после этого явилась на свет я, бедное существо, появление которого разрушило все мечты и ниспровергнуло все надежды матери.

«Подайте мне дитя мое!» — сказала мать моя, как только оправилась несколько от боли и страха. Дитя принесли и положили ей на колени. Но увы! это не сын, прекрасный, как амур! это дочь, и дочь *богатырь*! Я была необыкновенной величины, имела густые черные волосы и громко кричала. Мать толкнула меня с коленей и отвернулась к стене.

Через несколько дней маменька выздоровела и, уступая советам полковых дам, своих приятельниц, решила сама кормить меня. Они говорили ей, что мать, которая кормит грудью свое дитя, через это самое начинает любить его. Меня принесли; мать взяла меня из рук женщины, положила к груди и давала мне сосать ее; но, видно, я чувствовала, что не любовь материнская дает мне пищу, и потому, несмотря на все усилия заставить меня взять грудь, не брала ее; маменька думала преодолеть мое упрямство терпением и продолжала держать меня у груди, но, наскуча, что я долго не беру, перестала смотреть на меня и начала говорить с бывшею у нее в гостях дамою. В это время я, как видно, управляемая судьбою, назначавшею мне солдатский мундир, схватила вдруг грудь матери и изо всей силы стиснула ее деснами. Мать моя закричала пронзительно, отдернула меня от груди и, бросив в руки женщины, упала лицом в подушки.

«Отнесите, отнесите с глаз моих негодного ребенка и никогда не показывайте», — говорила матушка, махая рукою и закрывая себе голову подушкою.

Мне минуло четыре месяца, когда полк, где служил отец мой, получил повеление идти в Херсон; так как это был домашний поход, то батюшка взял семейство с собою. Я была поручена надзору и попечению горничной